

Русскому энтомологическому журналу — 20 лет

Русский энтомологический журнал (Russian Entomological Journal, далее — REJ) отмечает двадцатилетний юбилей, в 2011 г. вышел 20-й том этого ежеквартального издания. Во многих отношениях журнал уникальный. REJ выходит без государственной поддержки, это частная инициатива. Это журнал широкого профиля, он принимает статьи по огромной предметной области — энтомологии. В одном номере сходятся работы из множества научных дисциплин, с очень разными стандартами качества, уровнями, методами и т.п. Как возникло такое издание? Какие у него были проблемы, как они были решены?

REJ возник в 1992 г., вместе с рядом других научных журналов, выпускаемых КМК Scientific Press. Основным инициатором, организатором и спонсором этой инициативы выступил Кирилл Глебович Михайлов. Он загорелся идеей создания ряда англоязычных зоологических изданий, искал спонсоров, авторов, помощников. Было очень много трудностей — деньги и качество печати, уровень статей и их направленность, наполненность портфеля и скорость прохождения в печать.

Сначала издание энтомологического журнала было в том числе и коммерческим проектом — издатель надеялся, что журнал будет окупаться и приносить большую прибыль. Первый финансовый план был не прост, а очень прост. Предполагалось издавать журнал в России, где все дешево, а продавать за рубежом. В то время заработная плата сотрудника Зоологического музея составляла 20\$ в месяц, и потому перспективы были самые радужные. Тираж журнала предполагался 500 экземпляров (столько и составлял тираж № 1), число это умножалось на стоимость годовой подписки — и в итоге получались числа из единицы и множества сияющих нулей.

Потом единица куда-то делась. Все оказалось совсем не так. Новый журнал без истории и репутации не слишком охотно покупался иностранными подписчиками, а впоследствии, когда появилось некоторое количество библиотек и организаций, желающих этот журнал регулярно выписывать — нашлись перекупщики, которые покупали номера в России по низким «местным» ценам, и перепродавали в иностранные библиотеки. В итоге журнал временами себя почти окупал, потом снова не окупал, но заметной прибыли с него не было. Прибыль благополучно миновала издательство, и в этом нет совсем ничего удивительного.

Удивительно только то, что журнал при этом не пропал. Причина — неостывающее желание К.Г. Михайлова издавать ряд научных изданий, а также действительная потребность научного сообщества в наличии такого рода изданий.

Состав научных журналов в любой момент времени определяются двумя группами причин.

«Сверху» этот состав определяют решения иерархических структур, разного рода административных органов, которые решают так или иначе организовать науку. «Снизу» состав научных изданий определяется потребностями самих ученых. Научные журналы так и начинались — сразу и сверху, и снизу.

Первая регулярно выходившая французская газета — «La Gazette», издаваемая (с 1631 г.) врачом Теофрасто Ренодо. Монополия на ее издание была предоставлена лично королем, Людовиком XIII, и курировал газету кардинал Ришелье. Кроме газеты, выходило к ней ежемесячное 12-страничное приложение, в котором подводился некий итог событий в мире.

По образцу этого приложения вышел и первый научный журнал — «Journal des sçavans», который начал публиковаться в Париже в 1665 г. и выходил в виде 12-страничной брошюры. Журнал этот издавался Дени де Салло под покровительством Кольбера и содержал сведения об открытиях и изобретениях в различных областях науки (анатомии, метеорологии, механики), некрологи знаменитых людей, работы по церковной истории, протоколы судебных заседаний. Издавался журнал еженедельно.

Французское издание возникло «сверху», а всего несколькими неделями позже в Англии стали каждый месяц выходить тома The Philosophical Transactions of the Royal Society, и уже вслед за ними последовали Giornale de' Letterati (Парма, 1668), Acta eruditorum (Лейпциг, 1682) и др.

Transactions («Философские труды Королевского общества») — издание совсем иного типа, чем «Journal des sçavans». Это не высочайше установленный и цензурируемый сверху журнал, а организованная коммуникационная активность ученых, замена писем ученых, переписывавшихся и передававшихся между любителями науки. «Философские труды», по сути, были организационной структурой, заменявшей работу одного человека — Мерсенна. Transactions возникает как социальный институт, замещающий частную инициативу.

Сто лет назад, в самом начале XX века, среди устоявшейся структуры научных изданий возникали частные инициативы и появлялись издаваемые частными лицами новые научные издания. Так, «Энтомологическое обозрение» основано в 1901 г. в Ярославле, издание выпускалось на личные средства энтомологами Д.К. Глазуновым, Н.Р. Кокуевым, А.П. Семёновым-Тян-Шанским, Т.С. Чичериным, Н.Н. Ширяевым и А.И. Яковлевым.

И в 1990-х гг. в России новый журнал возникал в условиях сложившегося журнального сообщества. В СССР создание нового «официального» научного журнала было событием очень высокого уровня и контролировалось высшей научной бюрократией.

Так что существовало «небо неподвижных звезд», всем знакомое журнальное сообщество — и вдруг родилась инициатива создать еще несколько научных журналов, без согласования, без приказа — потому что появилась частная инициатива. Одним из первых таких изданий был REJ.

Что до потребностей ученых в России в начале 1990-х гг., то были они разнообразны. Наука — достаточно инерционная структура, и измениться в считанные годы и месяцы ей весьма трудно. В целом зоология 1992 г. была, конечно, попросту советской зоологией — но со сломанной системой ограничений. Главным свойством советской зоологии была замкнутость, существование в границах СССР — ну и еще, конечно, особые способы финансирования, привязка к определенной экономической структуре, но это уже другой аспект, и способов выживания научных организаций и научных сотрудников мы здесь касаться не будем.

Структура научных изданий в области зоологической систематики в СССР была нацелена на описание фауны страны. Статьи публиковались медленно (лежали в печати от 1 до 5 лет), на русском языке («Зоологический журнал» частично переводится с 1997 г., как и «Энтомологическое обозрение»), к тому же преимущественно по местной фауне. Запрет на «инострannую» фауну был не абсолютным, но это был некий порог, набор дополнительных трудностей. Материал по зарубежной фауне было трудно достать и трудно опубликовать, наличные журналы затруднялись печатать описания новых видов и фаунистические обзоры по Индии или Африке.

Для большинства энтомологов-систематиков основной деятельностью до сих пор является описание новых видов, хотя в других областях зоологии эта стадия давно пройдена и в целом разнообразие описано. И вот у многих энтомологов-систематиков скапливались тропические материалы, которые были получены разным путем, их было крайне трудно опубликовать, поскольку они относились к описаниям, обзорам и ревизиям зарубежной фауны. В начале 1990-х гг. появились возможности публикации за границей — но прочные связи налажены не были, списаться с иностранной редакцией, уместиться в набор требований было не слишком легко. Дополнительным препятствием было то, что очень многие иностранные журналы требовали оплаты публикаций. Это было результатом «революции 50-х». Тогда, после войны, стоимость научных публикаций (в пересчете на одну журнальную страницу) стала резко повышаться и выросла по сравнению с довоенным уровнем в несколько раз (Bergstrom, 2001). Западный мир проходил этот порог в 50-е годы, а для советских ученых выход на такую экономически маркированную площадку был весьма затруднителен. Грантов не было, при зарплате в 20\$ платить за публикацию научной статьи из своего кармана могли себе позволить очень не многие. И

потому была значительная потребность в создании русского англоязычного «бесплатного» научного журнала — прежде всего со стороны энтомологов-систематиков. Подобные проблемы возникают у многих научных сообществ при вхождении в «международное» научное сообщество (Arunachalam, 2004). И так, нужен был журнал, где бы авторам не надо было бы платить за публикацию — и в то же время журнал приличного уровня, с достойной полиграфической базой.

Из такого положения дел вытекали основные черты устройства нового издания. REJ возникал как журнал, закрывающий брешь существующего состава научных изданий и публикующий статьи, которые плохо проходили в существующих изданиях России — Энтомологическом обозрении, Зоологическом журнале, Бюллетене МОИП и др. Эти издания публиковали (и публикуют сейчас) статьи по таксономии, но публикуемый объем недостаточен для массы энтомологических статей.

Журнал хотели сделать оперативным — чтобы не было статей, по 3, 4, 5 лет ждущих публикации (время публикации весьма критично, поскольку в таксономии действует правило приоритета). Журнал решено было сделать «не русскоязычным» — решено было, что в нем могут появляться статьи на английском, немецком, французском языках, русскоязычные статьи решено было свести к минимуму. Журнал должен был появляться в иностранных библиотеках и быть доступным иностранным коллегам. А вот факторы, связанные с научной бюрократией — вхождение в списки ВАК и т.п. — считались маловажными. В 1992 г. было совершенно не понятно, что и как будет происходить в этой области.

Поскольку систематиков все же не так много, решено было сделать журнал широкого профиля, не таксономический, а — энтомологический. Главной линией была публикация таксономических работ, но допускалось появление сильных, хороших работ по физиологии насекомых, серьезных исследований по экологии и т.п.

Отдельную проблему составляла фаунистика. Публикации этой области науки котируются в научном сообществе достаточно низко. Данные по фаунистике «автоматически» появляются в результате работы любого систематика, при повседневном определении материала. В результате возникает большое количество работ не слишком высокого уровня и малой значимости. В то же время в структуре советских журналов публиковать что-либо по фаунистике было крайне тяжело и многие работы в этой области тормозились именно на стадии публикации. Практически фаунистика могла быть опубликована лишь в сборниках, в периодические издания статьи этого направления почти не брали. Была опасность, что новый журнал просто захлебнется под наплывом фаунистических статей невысокого качества, и было решено именно в этом отношении поднять

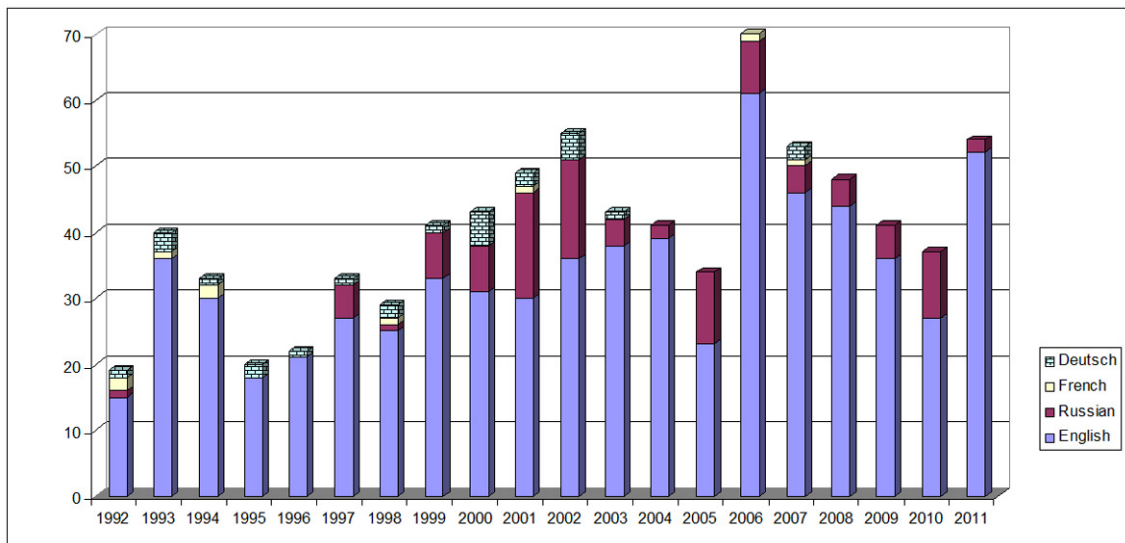

Рис. 1. Распределение публикаций по языку, число статей в год, Russian Entomological Journal.

планку выше, но не запрещать — фаунистика может публиковаться, но только очень хорошая, действительно качественные работы.

Так выдвинулся новый журнал в 1992 г. Затем он стал выходить — и тут же на издателя и редакторов обрушились проблемы, заметно менявшие исходные решения и задуманное направление развития журнала. Это были финансовые кризисы, нехватка средств, из-за чего возникали сдвоенные номера, запаздывание выхода тетрадей. Это нехватка статей желательного уровня качества. Это совмещение в одном номере разных дисциплин с разными стандартами качества публикаций, причем изменить эти стандарты в целом научном сообществе — весьма трудное дело. В результате разноуровневости дисциплин по некоторым областям очень хорошие статьи оказываются на уровне весьма средних работ в других областях. В каждой предметной области свои особенности, и частные энтомологические науки — лепидептерология, колеоптерология, одонатология, гименоптерология и т.п. — соединяются не без проблем. В разных областях свои традиции работы, принятые уровни качества публикаций, стандарты новых результатов. Степень проработанности разнообразия бабочек, скажем, совсем иная, нежели у жуков. И потому реальная редакционная политика состояла в приспособлении несколько идеалистических представлений начального этапа к реальным потребностям публикуемого сообщества. К тому же со временем менялась ситуация с числом журналов, доступных для авторов — после 2000 г. все чаще стали открываться возможности для публикации в иностранных изданиях. Многие исследователи уехали и работают в других странах. При этом уехавшие в Мексику, США, Турцию публикуются в REJ — вместе со своими коллегами из немецких, французских, мексиканских университетов.

Число публикаций

Теперь, обрисовав условия возникновения журнала и основные направления его развития, можно перейти к результатам: чего удалось достичь за 20 лет, что не получилось, что отошло на второй план и стало не слишком важным.

Главный результат, конечно — то, что журнал оказался нужным и выжил. Журнал достаточно приличного уровня, частично англоязычный, бесплатный (для авторов) и хорошего полиграфического качества оказался востребованным в совсем новых условиях — не в условиях «бывшего СССР», не в качестве «местного издания», а как нормальный журнал в рамках международного научного сообщества. Хотя в первую очередь, конечно, это издание интересно для российских ученых, оставшихся в России или уехавших, но в нем публикуются и очень многие не российские авторы. И тут есть особые интересные в науковедческом плане темы — рост числа исследований индийских и китайских авторов, публикации в журнале английских, бельгийских, немецких исследователей. Видимо, причины, вызвавшие журнал к жизни, не только местного значения — и в мировой системе журналов трудно публиковать фаунистические работы, не так много бесплатных (для авторов) изданий, ограничено число журналов со специальным вниманием к таксономии. Поэтому журнал, когда-то появившийся в связи с «дырками» в системе советских зоологических изданий, изменился, приспособился и встроился в совсем другую систему — международную систему англоязычных зоологических изданий.

Всего за 20 лет опубликовано 805 научных статей (не считая персоналий, научной информации, рецензий, некрологов, библиографических материалов). Это весьма большое число работ. Сопоста-

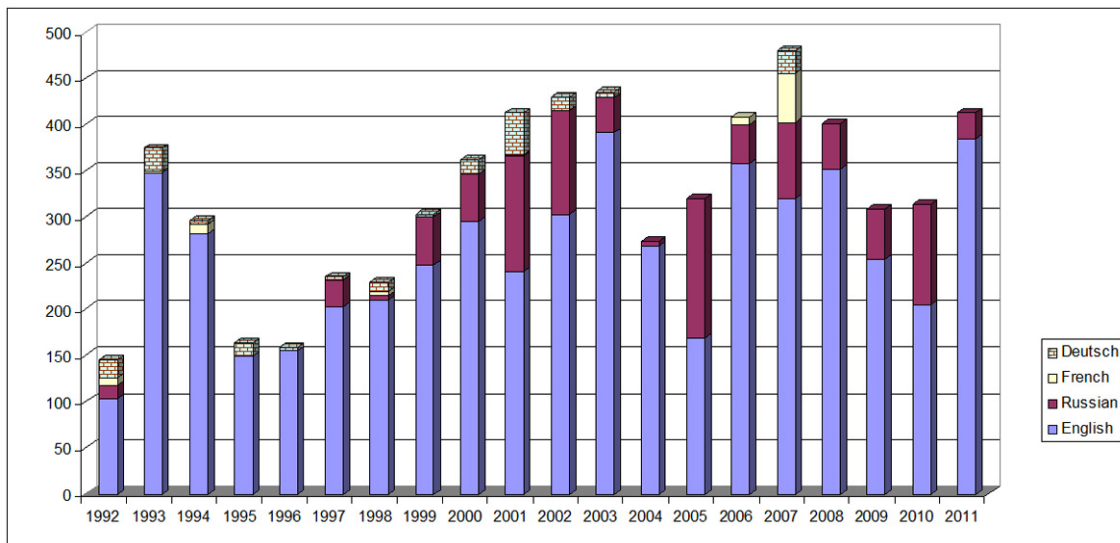

Рис. 2. Распределение публикаций по языку, число страниц в год, Russian Entomological Journal.

вить с другими изданиями трудно, но по крайней мере некоторые REJ превосходит в 2–2,5 раза, это точно не «маленький» журнал; число публикаций в REJ больше, чем для усредненного научного журнала (Linkov et al., 2006). Общий объем научных статей — 6456 страниц (опять же, не включая дополнительные материалы юбилейного характера, библиографию, информацию, некрологи и пр.). Годовые минимальные и максимальные данные по статьям и страницам — соответственно от 19 до 70 и от 145 до 435. Средняя статья — 8 страниц, средний номер — примерно 80 страниц, в среднем томе — примерно 40 статей.

Итак, в журнале опубликовано за 20 лет более 800 статей. Подавляющее большинство — на английском языке, 668 статей. На русском — 102, немецком — 26, на французском — 9. Листаж соответствует: на английском — 5229 страниц, на русском — 951, на немецком — 188, на французском — 88 страниц.

Можно видеть падения числа публикаций около 1995, 1998, 2003–05, 2007–10 гг. (рис. 1). Может быть, это не только проявление случайной динамики, как кажется, на число публикаций могут влиять экономические условия.

По числу страниц ситуация выглядит похожим образом (рис. 2). Падения числа публикаций в 1995–96, 2004, 2008–09 гг. В среднем в год выходит 323 страницы.

Доля немецкоязычных и франкоязычных статей невелика. Однако это не политика редакции, а предпочтения отдельных авторов. В СССР в школе одни учили английский, другие немецкий, некоторые — французский. Потому в популяции советских ученых были «исходные» франкофоны и т.п., и они предоставляют по своим группам статьи на известных им языках. Есть и немногие неанглоязычные публикации иностранных ученых: например, на не-

мецком языке. Но в целом языковое разнообразие со временем снижается — авторы либо перестают публиковаться, либо выучивают английский. И только доля русскоязычных статей не только не уменьшается, но даже возрастает.

Можно видеть, что, несмотря на усилия редакции, не удалось сделать журнал не-русскоязычным. Долю русскоязычных статей временами удается сократить — а затем число статей на русском языке опять растет. Это связано с разными причинами. Самая главная, конечно — российское энтомологическое сообщество пока не готово публиковаться на английском, для очень многих авторов языковой барьер препятствует публикациям. Иногда долю таких работ удается снизить, но есть проекты, препятствующие такому снижению. Например, для повышения «узнаваемости», популярности издания, для придания номерам «лица» делаются персональные (юбилейные) номера, посвященные тому или иному выдающемуся энтомологу. В такие номера собираются статьи учеников данного исследователя и в целом статьи по той группе насекомых, по которой он специализируется. При этом часто оказывается, что многие хорошего уровня статьи, которых нужно набрать на целый номер — на русском языке, и авторы не способны справиться с текстом на английском. Видимо, переход к англоязычию является одной из задач журнала. В частности, REJ до сих пор не внесен в базу Scopus и не участвует в системе рейтингов научных журналов. Документы в Scopus поданы, основная причина задержки — наличие кириллицы в номерах. Хотя измерение рейтингов журналов — достаточно сложная и ставящая много вопросов процедура (Cheek et al., 2006).

Рассматривая проблемы, возникающие у «новых» научных журналов при вхождении их в международные индексы, можно видеть общие черты развития разных изданий (Vessuri, 1995). Среди сотен

возникших изданий лишь немногие быстро добиваются вхождения в международные индексы, это связано не только с языковыми причинами.

В целом направление изменений, которое прошло в научных журналах начиная с 1990-х гг. и одним из примеров которого является появление англоязычного Russian Entomological Journal, укладывается в общие тенденции — научные периодические издания становятся более интернациональными (Zitt, Bassecoulard, 1999).

Для полноты картины приведем еще список дополнительных материалов, помещенных в номера помимо научных статей (табл. 1).

Табл. 1. Число статей в Russian Entomological Journal по видам дополнительных материалов.

Personalia	13
Book reviews	10
Отчеты РЭО	2
Алфавитные указатели томов	2
Некрологи	3
Информация	2

Не хватает хороших рецензий и обзоров литературы. Это беда не только данного издания — вся российская научная литература крайне страдает от нехватки качественных рецензий. На Западе, напротив, рецензий и литературных обзоров много больше и они значительно лучшего качества. Причины этой рецензионной немощи различны, главные — переизбыток клановости и нехватка эрудиции. Рецензии вызывают обиды и ссоры в сомкнутом сообществе, а наука как социальная среда представляет собой сеть обменов — отзывами, рекомендациями, допускками и т.п. Так что рецензия в обидчивой среде — рискованное действие, которое может сказаться на карьере, а с другой стороны — способ сведения счетов, «грязный» жанр. С другой сторо-

ны, рецензент обычно должен хотя бы частично выходить за границы своей узкой специализации. В итоге многие исследователи избегают этого опасного вида публикаций. Между тем в здоровом научном сообществе существенной частью научной деятельности служат разного рода рецензии — от редакторских замечаний при публикации в научном журнале до полноразмерных статей с обзорами вышедших текстов.

Научные дисциплины

Если посмотреть на картину распределения статей по областям науки (рис. 3, 4), становятся видны профилирующие направления журнала.

Большинство статей — по таксономии и смежным областям (номенклатуре, диагностике и пр.) — 478 статей. По зоогеографии и фаунистике — 106 статей, по экологии, этологии, физиологии вместе — 98 статей, по морфологии (разные области, от внешней морфологии до кариологии) — 78 работ. По палеонтологии 39, по молекулярной генетике и кладистике 3, одна статья может быть отнесена к области популяризации знаний.

Можно видеть, что основным направлением журнала остается таксономия, в основном это описания новых видов (и более высоких таксонов). Кроме того, это работы с описанием типов, работы по установлению синонимии в больших группах уровня семейства, работы по диагностике и составлению диагностических ключей.

Две другие крупные дисциплины — морфология и экология. Под морфологией тут имеется в виду особенная, «таксономическая» морфология. Морфология — очень широкая область исследований; есть отдельные области сравнительной и эволюционной морфологии, специальные области — например, морфология хромосом и т.п. В REJ преимуще-

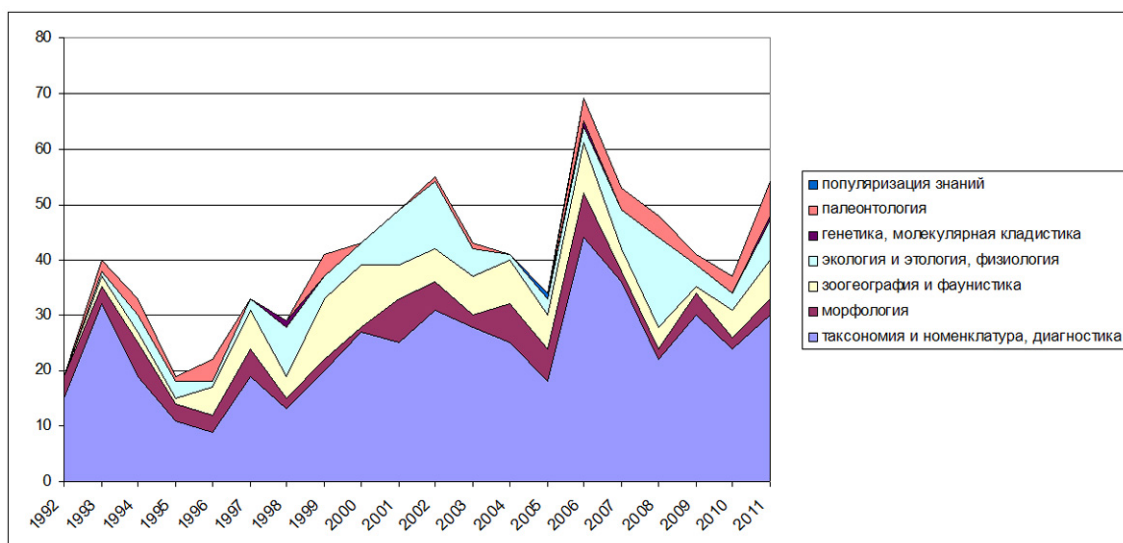

Рис. 3. Распределение числа статей в год в Russian Entomological Journal по областям знания.

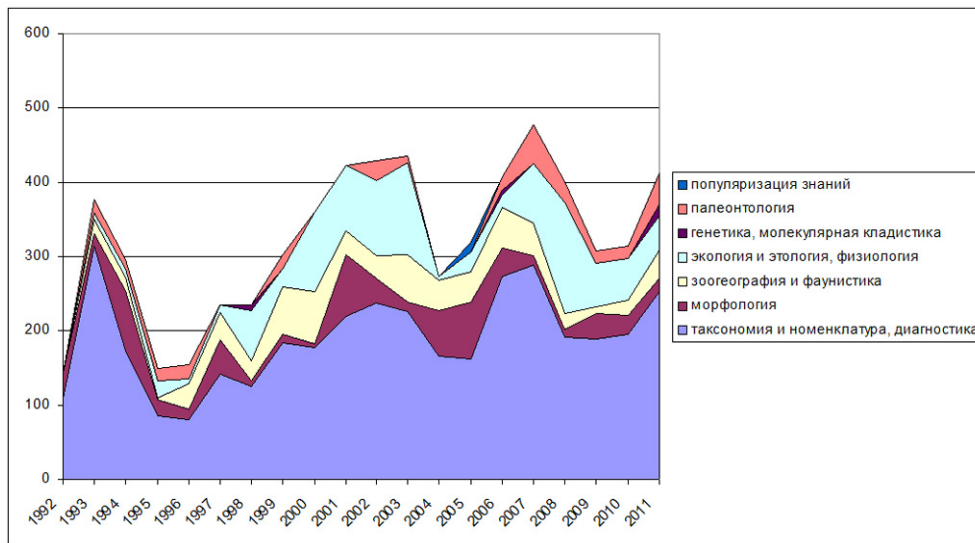

Рис. 4. Распределение числа страниц в год в Russian Entomological Journal по областям знания.

ственно публикуются работы описательного плана. Есть статьи по изменчивости некоторых органов в пределах того или иного таксона, в других работах описывается морфология определенных стадий развития — скажем, личинок какой-либо группы насекомых. Некоторые работы посвящены описанию важных в таксономическом отношении признаков и аспектов морфологии. Сюда же отнесены и статьи по кариологии, и описания уродств (гинандроморфизм и т.п.), и вариантов окраски, и детальное сопоставление личинок нескольких видов.

Экология в журнале также особенная, с таксономическим оттенком, это преимущественно то, что в «Фаунах» называется «биологией вида». Кроме того, есть значительное количество работ по физиологии, по этологии, со специальным описанием тех или иных аспектов поведения видов. Можно отметить большие группы статей в рамках почвенной зоологии, с описанием их биотопической приуроченности видов, и пул работ по биоакустике.

Еще одна крупная научная дисциплина, представленная в журнале — фаунистика. В ее рамках описываются редкие находки тех или иных групп, новые находки для фауны региона, страны, приводятся списки видов.

Отдельно выделены палеонтологические работы. В целом их можно было бы суммировать с таксономическими, поскольку в основном это описания новых таксонов. Но тут есть своя специфика — не только предметная, но и по виду результатов. Скажем, встречаются работы по синклюзам, совместно захороненным насекомым, из чего проистекают гипотезы об экологической обстановке во время захоронения останков. Так что на рисунках 3 и 4 палеонтологические статьи даны отдельно.

Наконец, две очень маленьких группы работ представляют популяризацию научных знаний и работы

по молекулярной кладистике. Что до популяризации, имеется в виду практически единственная статья с описанием сайта ЗИН РАН, действительно удивительного и уникального сайта про насекомых. Является ли это отдельным направлением публикаций в журнале или это «случайная» публикация, есть ли необходимость публиковать такие работы или нет — это пока вопрос. Может быть, в этом месте — «дырка», и есть большая потребность публиковать достаточно специальные (или популярные — откуда смотреть) работы относительно источников в сети Internet, или такие работы не слишком нужны и восполняются иными типами научной коммуникации? В целом это особое направление, электронные публикации и отражение их в бумажных изданиях. До сих пор не окончились «цифровые войны». Практически все теоретики развития медиа и издатели научных изданий говорят о резком, взрывном возрастании роли электронных публикаций (Kling, McKim, 1999, 2000; Brown, 2001; Zhao, 2005; Brossard, 2009). У физиков уже есть arXiv.org, появляются подобные сайты и в области биологических наук (<http://www.e-journals.org/botany/>). Будут ли научные журналы переходить в электронную форму, с какой скоростью это будет происходить, как при этом изменятся форматы публикаций, принятые жанры научных статей — говорить пока трудно, хотя уже в 1995 г. было более ста научных электронных журналов (Hitchcock et al., 1996).

Другая малая группа публикаций — несколько статей, которые не могут быть отнесены к другим областям знания. В них не описываются новые таксоны, нет анализа морфологии — в них идет обсуждение нескольких кладистических гипотез на материале молекулярных исследований. Формально эти работы можно, опять же, поместить в таксономию, но, как мне кажется, интересно их выделить в от-

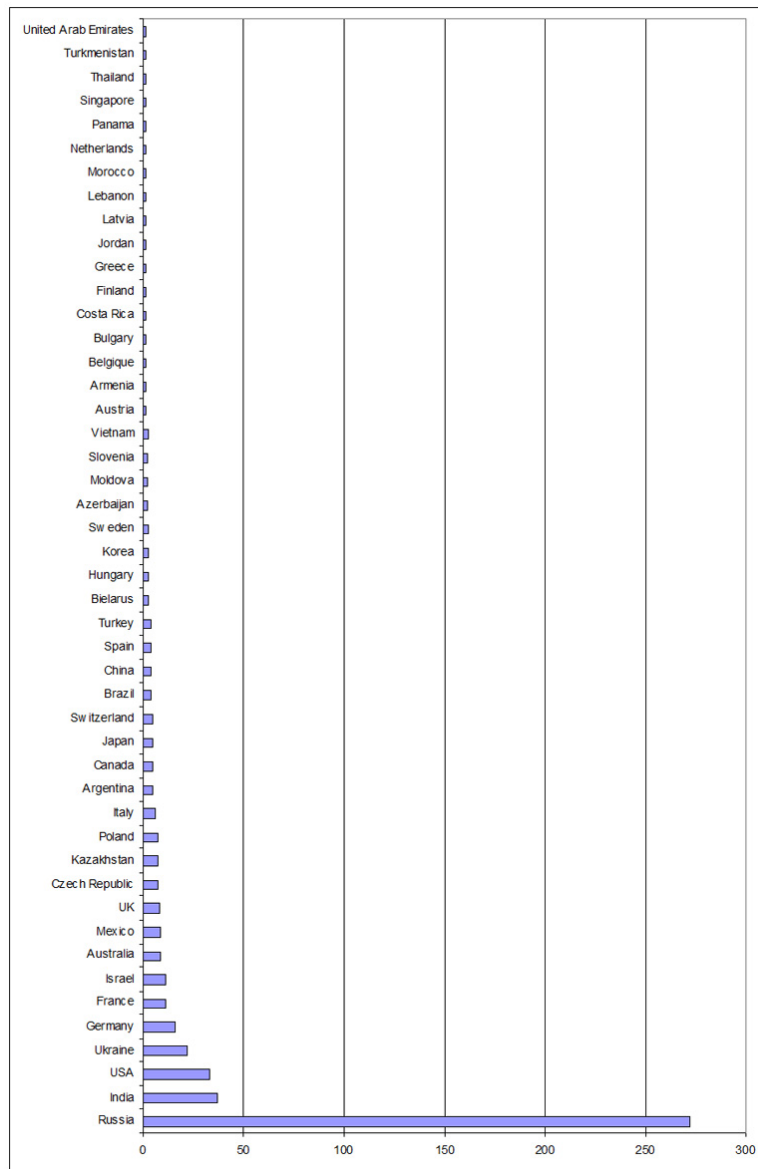

Рис. 5. Распределение числа статей в Russian Entomological Journal по странам, в которых работают авторы статей.

дельную группу — чтобы видеть, какова доля этих работ в публикациях REJ. Может быть, таких работ будет становиться все больше, может быть, напротив, они сойдут на нет.

В определенном смысле кладистика как научный жанр сродни фаунистике: у любого работающего систематика «автоматически» по ходу накопления данных возникают и некоторые таксономические гипотезы. Да, этот класс таксономических гипотез сейчас очень моден и получается благодаря применению современных формализованных и математизированных методов. Является ли это достаточным основанием для публикации промежуточных, по сути, результатов? Или это «внутреннее дело» метода, и следует поднять планку выше? Публиковать лишь наиболее существенные результаты, обладающие значительной таксономической новиз-

ной? Не ясно, каково будущее такого научного жанра в REJ и станет ли доля таких статей больше.

Авторы и страны

Особая тема — распределение статей по авторам и странам, в которых авторы журнала работают (рис. 5). Всего за 20 лет в REJ опубликовались 523 автора из 47 стран. Это значительное число — можно сказать, что REJ в этом отношении популярный журнал, многие другие издания за то же время опубликовали значительно меньшее количество авторов. Правда, некоторые статьи подписаны двумя, тремя, а то и пятью именами, но такова повсеместная практика.

Многие из авторов имеют двойной адрес — одновременно работают в двух разных организациях

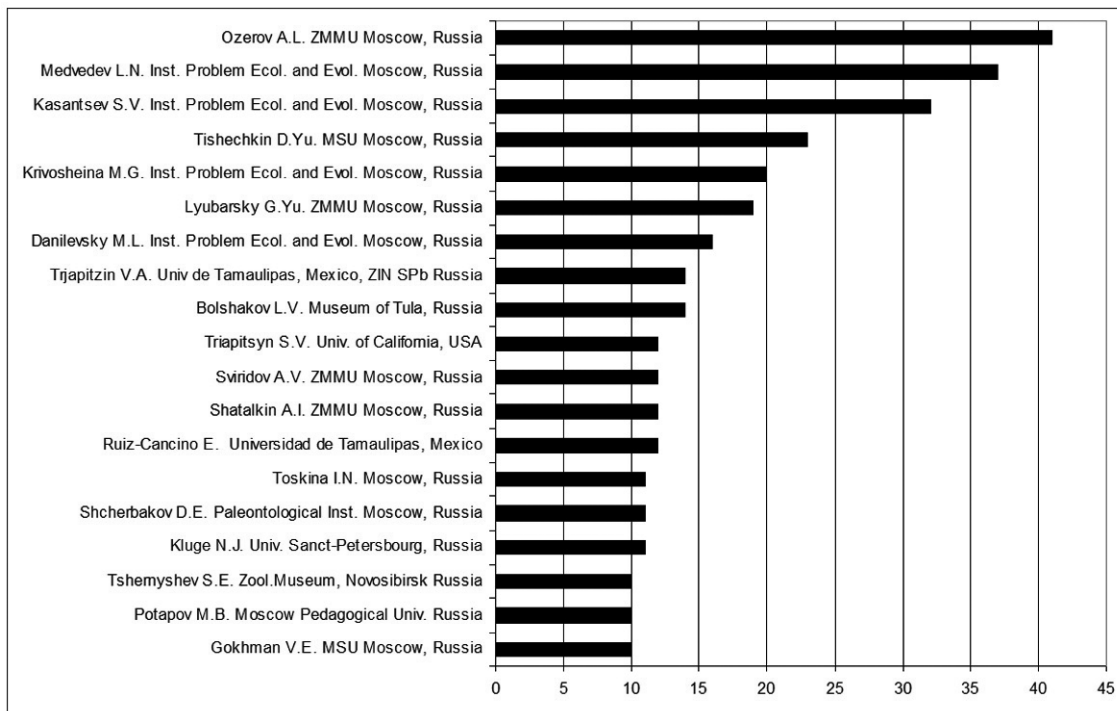

Рис. 6. Распределение числа статей в Russian Entomological Journal по наиболее плодовитым авторам, по оси абсцисс — число статей.

из двух разных стран. Некоторые за 20 лет поменяли место работы, так что один человек в разное время работал в разных организациях, иногда в разных странах. Некоторое количество авторов никакого места работы не имеет — по разным причинам не сотрудничает ни в каких научных организациях. Это могут быть любители, пенсионеры, работающие не по профилю, временно не работающие и т.п. Для подсчета было принято, что учитываем все страны, авторы которых участвовали в работе REJ — так что один автор может относиться к двум странам.

О распределении авторов по странам надо сказать, что, вопреки возможным ожиданиям, большинство иностранных авторов — не переехавшие из России специалисты, а граждане соответствующих стран. Таким образом, зарубежная публикационная активность — в основном не российского происхождения.

Конечно, большинство статей журнала — российские: из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Магадана, Иркутска, Тулы, Саратова, Владимира, Архангельска и т.п. Весьма много авторов из Индии и США. Интересно, что присутствуют такие страны, как Япония, Юж. Корея, Австралия, Аргентина, Канада и пр. Насколько можно понять, журнал достаточно известен в мире, и рукописи приходят не только из ближнего зарубежья (Украина, Беларусь, Казахстан, Азербайджан), но и из Германии, Франции, Бразилии.

На рис. 6 представлены все авторы, опубликовавшие в журнале 10 и более статей за 20 лет его

существования. Три лидера по количеству публикаций — А.Л. Озеров, Л.Н. Медведев и С.В. Казанцев — систематики, их статьи посвящены описанию большого количества новых видов. Однако среди лидеров не только систематики — Д.Ю. Тишечкин и М.Г. Кривошеина публикуют как экологические обзоры больших групп, так и определительные ключи, развернутые характеристики родов. Интересно, что в списке лидеров — не только российские авторы.

На рис. 7 представлены все авторы, опубликовавшие в журнале за 20 лет более 100 страниц. Лидеры по объему публикаций — Д.Ю. Тишечкин, А.Л. Озеров, С.В. Казанцев и Л.Н. Медведев. В этой диаграмме видно, что при таком представлении данных на первое место выходит автор, публикующий крупные статьи по акустической коммуникации Orthoptera и Homoptera, а авторы-систематики занимают последующие места.

Материал: предметные области и география

Другой аспект журнала — те дисциплины, которые обобщены названием «энтомология». Деление на дисциплинарные разделы очень неравномерно, есть науки, выделенные для одного вида или рода, есть — для отряда или класса в целом. Это коррелирует с актуальностью, хозяйственной значимостью группы, с ее численностью и другими параметрами. Еще один фактор, имеющий отношение к

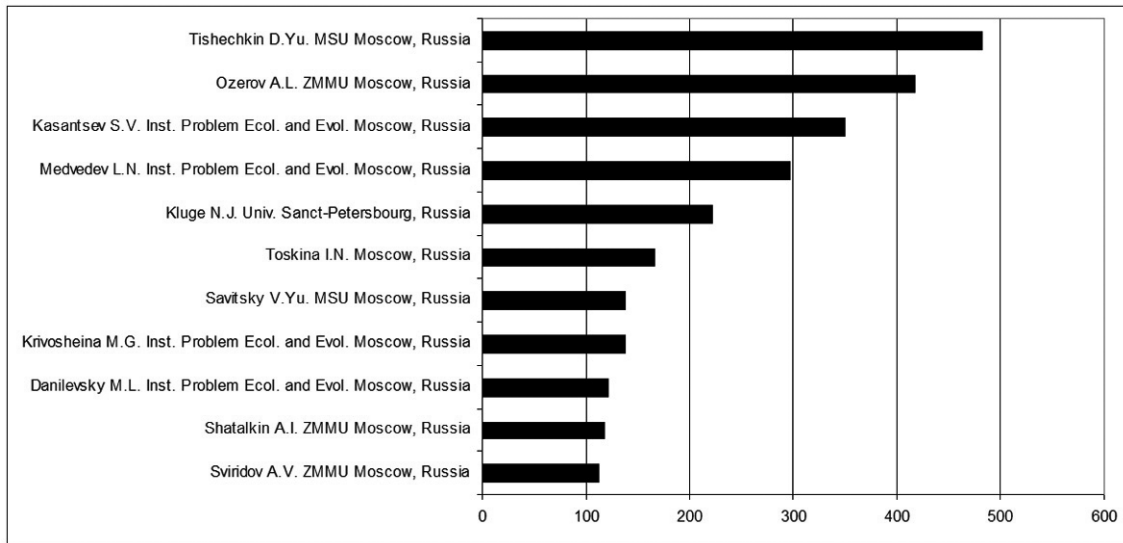

Рис. 7. Распределение числа страниц, опубликованных в Russian Entomological Journal по наиболее плодовитым авторам, по оси абсцисс — число журнальных страниц.

делению на предметные области — тот примерный объем разнообразия, которым занимается конкретный исследователь. Чаще оказывается, что специалисты делятся по семействам, отряд насекомых оказывается обычно слишком велик для того, чтобы в нем мог разбираться один человек, род — слишком мал.

Однако для представления разнообразия предметных областей семейства брать неудобно — их

слишком много, полученную картину из-за чрезмерной детальности трудно будет понять. Мы рассмотрим предметные дисциплины в рамках энтомологии по отрядам (рис. 8, табл. 2).

Полужесткокрылые разбиты на подгруппы, поскольку авторы предпочитают именно так обозначать предмет исследования.

Основная масса статей приходится на три отряда: жуки, перепончатокрылые, двукрылые, что отчетли-

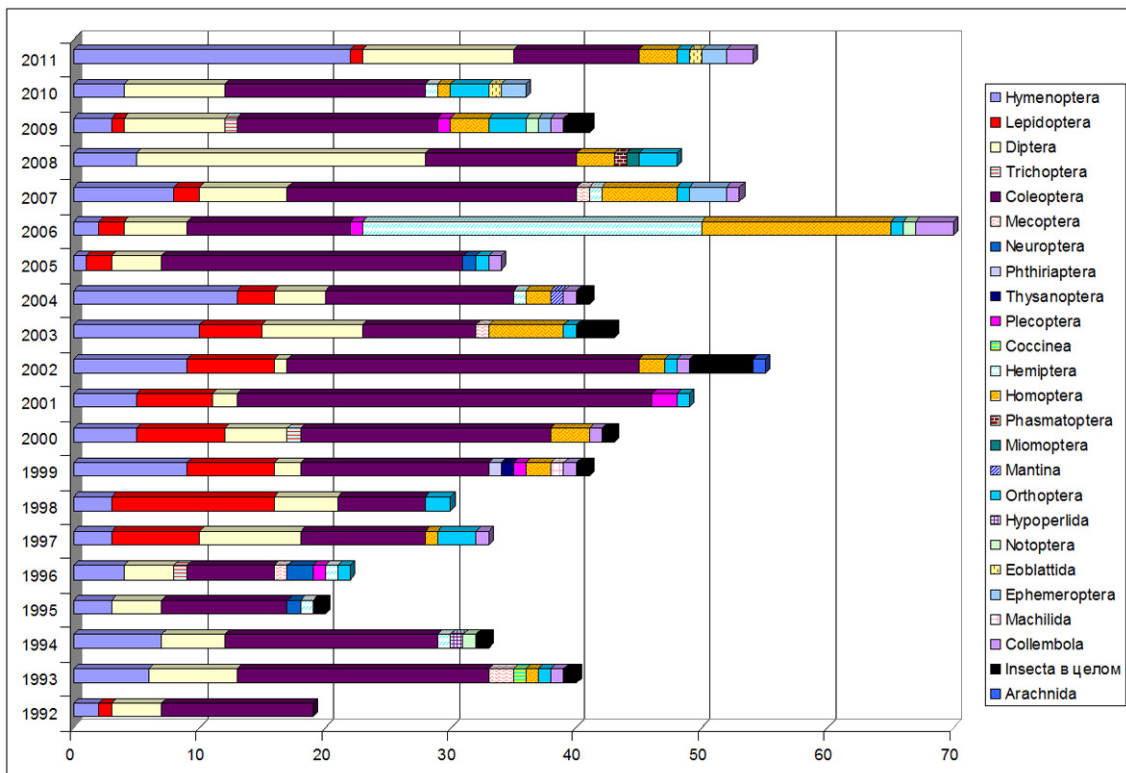

Рис. 8. Распределение числа статей в год в Russian Entomological Journal по предметным областям (таксонам).

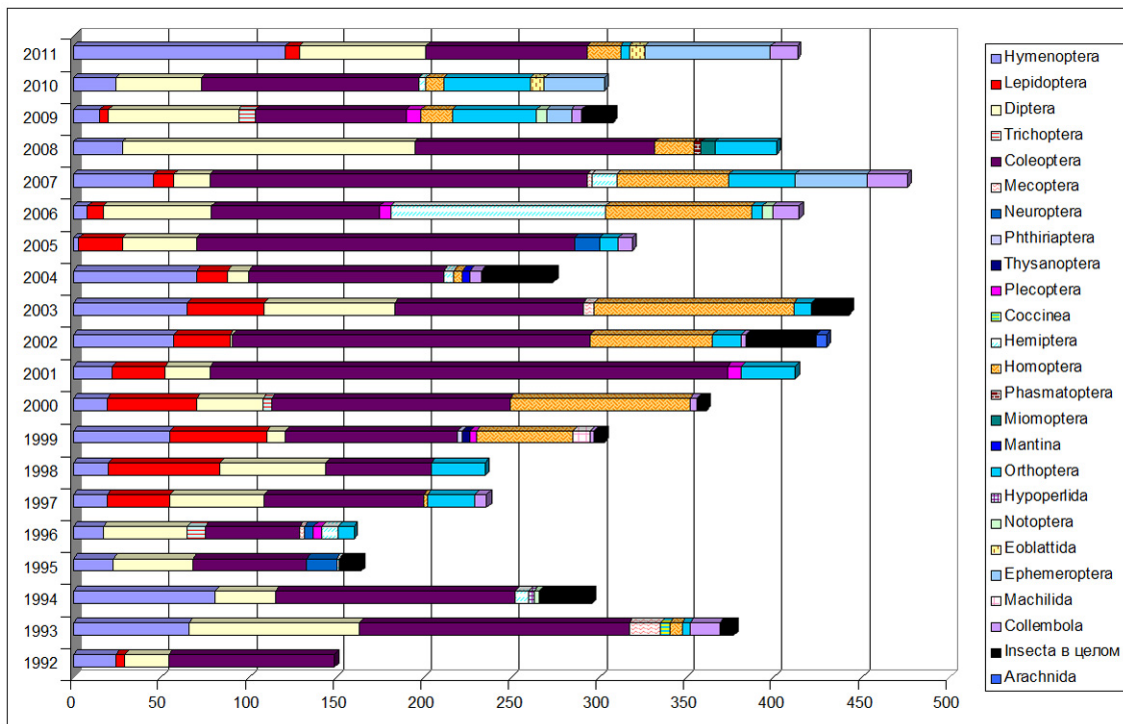

Рис. 9. Распределение числа страниц в год в Russian Entomological Journal по предметным областям (таксонам).

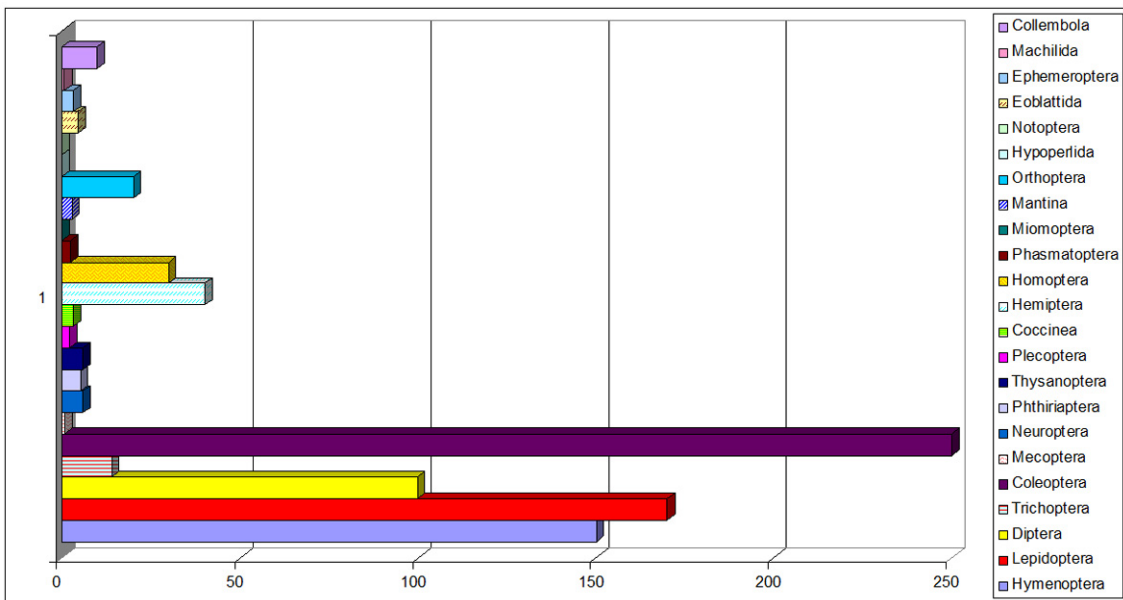

Рис. 10. Число видов в отрядах насекомых.

во видно на диаграмме по числу статей (рис. 8) и числу страниц (рис. 9).

Такие данные, конечно, интересно сопоставить с мощностью разнообразия отрядов, иными словами, в какой мере количество публикаций в REJ соответствует объему отряда. Число видов по отрядам представлено на рис. 10. На рис. 11 показано соотноше-

ние статей в REJ по отрядам за все 20 лет выхода. Тем самым легко видеть, насколько пропорционально соотносятся число публикаций и размер таксона.

Можно видеть недостаточную представленность статей по Lepidoptera и Hymenoptera, Trichoptera, Heteroptera. Конечно, на число статей оказывает влияние не только мощность изучаемого разнообра-

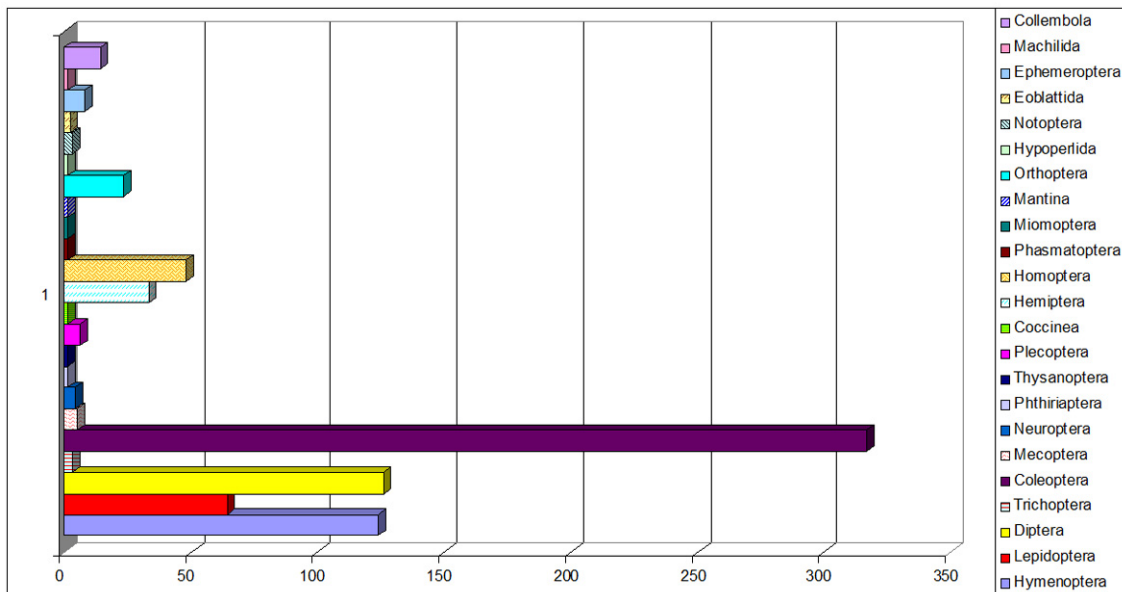

Рис. 11. Распределение числа статей в Russian Entomological Journal по отрядам насекомых.

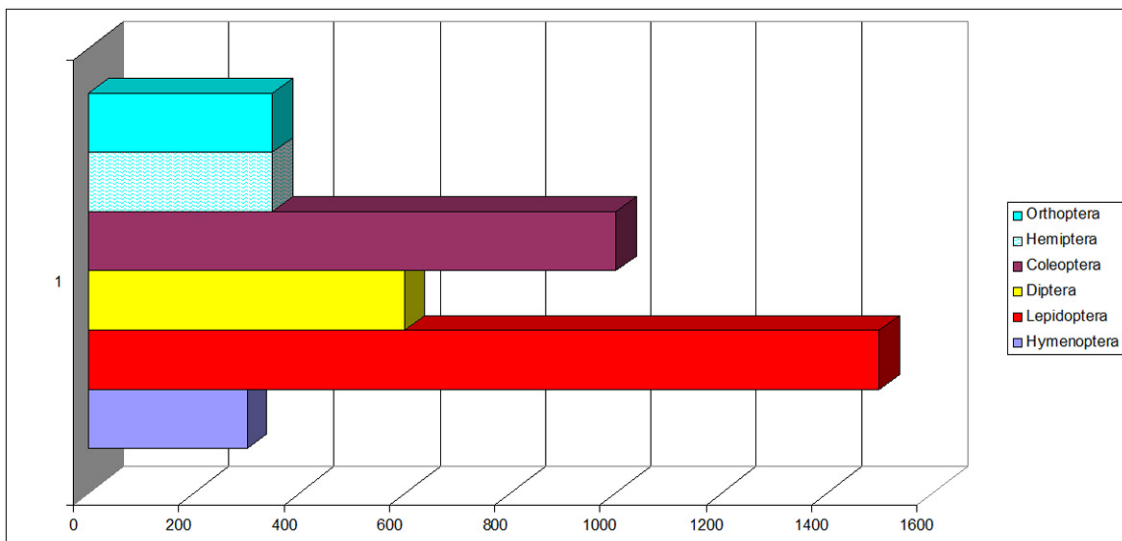

Рис. 12. Соотношение числа исследователей по разным отрядам насекомых.

зия, но также актуальность исследований и т.п., и все же корреляция с размером группы кажется значимой.

С другой стороны, хотелось бы сопоставить эти данные с общей численностью специалистов по той или иной группе в мире. К сожалению, такие данные крайне трудно получить. Хотелось бы иметь хотя бы ориентировочные сведения. Для этого собраны (рис. 12) данные о числе членов международных энтомологических обществ и о членстве в базах данных, присутствующие в сети Интернет:

– Международное общество гименоптерологов International Society of Hymenopterists. Total members:

267, Institutional: 40, Regular: 168, Student: 12 <http://members.hymenopterists.org/>

– Societas Europaea Lepidopterologica — объединяет около 700 членов из Европы, Западной Азии и Северной Африки. Галерея лепидоптерологов России и сопредельных стран — в списках 288 лепидоптерологов. The Lepidopterological Society of Japan (LSJ) — about 1400 members.

– Европейская Ассоциация колеоптерологов в 1992 г. 350 членов.

– The International Heteropterists' Society 308 членов <http://ihs.myspecies.info/content/members>

– Orthopterists' Society (formerly the Pan American Acridological Society)—330 members from 43 countries.

– В международной базе электронных почтовых адресов диптерологов значится 576 человек (данные за 2007 г.), а с учетом любителей вдвое больше (1043).

Данные очень приближенные; понятно, что далеко не все специалисты состоят в таких обществах, а многие члены обществ не являются действующими профессиональными исследователями. Сведения о числе членов общества часто не публикуются и относятся к разным годам. В целом можно сказать, что приведенные на диаграмме данные относятся к 2000-м гг. и дают ориентировочное представление о соотношении количества исследователей, занимающихся той или иной группой насекомых.

При сравнении с рис. 10, 11 видно, что доля статей по Lepidoptera в REJ мала не только по сравнению с численностью отряда, но и относительно числа имеющихся специалистов. Видимо, доля любителей, так или иначе входящая в такого рода подсчеты, особенно сильно сказывается на этой группе. Вызывает удивление относительно малое число специалистов по Hymenoptera.

Географическое распределение материала

Русский энтомологический журнал имеет еще одну особенную характеристику — его статьи можно распределить по географической приуроченности используемого материала. Конечно, есть форматы данных, которые не следует включать в общее географическое распределение — например, палеонтологические тексты, некоторые морфологические и номенклатурные работы. Но подавляющее большинство статей по систематике, экологии и

т.п. могут быть приурочены по использованному в них материалу к тому или иному географическому выделу.

Итак, тексты журнала разделены по использованному материалу на несколько групп. На диаграмме (рис. 13) обозначены материалы, относящиеся к Палеарктике, за вычетом особых выделов. Отдельно выделены из Палеарктики: Зап. Европа, Вост. Европа, Кавказ, Центр. Азия, Дальний Восток России, Ближний Восток, Дальневосточный регион в составе Китая, Корей и Японии. Кроме того, даны выделы: Неарктика, Ориентальная область, Афротропическая, Неотропическая и Австралийская (с Полинезией).

Если построить географическую привязку статей по использованному материалу для зоологических журналов советского периода, будет видно, что в то время основная масса работ по энтомологии выполнялась для Палеарктики, особым вниманием пользовались Кавказ, Центр. Азия и Дальний Восток. Теперь же можно видеть, что множество работ основано на материалах из Юго-Восточной Азии, Центр. и Юж. Америки, много работ по Центр. и Юж. Африке и по австралийскому региону (Австралии, Новой Гвинее, Новой Зеландии и т.п.).

Журнал возникал, в частности, потому, что негде было публиковать массу работ по тропическим материалам, которые сравнительно трудно проходили в советских изданиях (сомнительная актуальность текстов). Если бы подобную диаграмму строить только по самым плодовитым авторам журнала (рис. 6), картина была бы еще более наглядной — большинство статей были бы о тропической энтомофауне, по ориентальной, афротропической, неотропической фауне.

По Палеарктике распределение достаточно ожидаемое. Самый большой интерес вызывает энтомофауна Дальнего Востока, Центр. Азии, Кавказа. Ра-

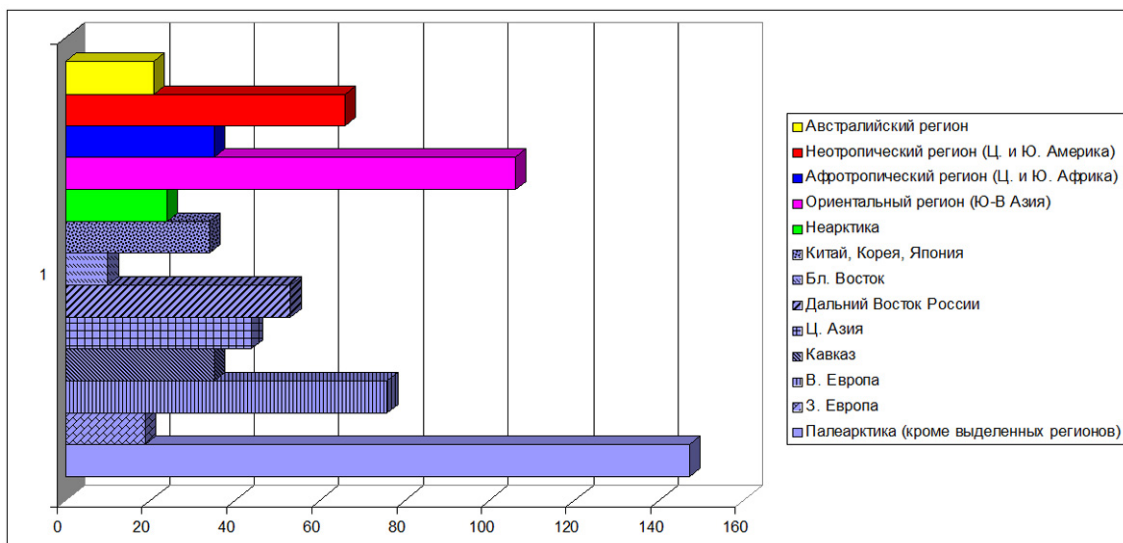

Рис. 13. Распределение числа статей в Russian Entomological Journal за 20 лет по зоогеографическим выделам.

зумеется, много работ по Восточной Европе. Самое большое количество работ — по энтомофауне Палеарктики — либо по всей Палеарктике в целом, либо по широтным ее частям, по Сибири и т.п.

Заключение

Можно подвести итоги. За последние годы улучшилась полиграфия и общее качество рисунков. Увеличилось число цветных рисунков и фотографий. В журнале устойчиво публикуются многие иностранные авторы. Большую поддержку изданию оказывает Зоологический музей МГУ: в журнале публикуются многие сотрудники сектора энтомологии, они же участвуют в редактировании текстов и оформлении журнала. Тираж журнала стабильно составляет 200 экз. В музее хранится большая часть тиражей REJ. Во многие библиотеки России комплекты издания переданы бесплатно.

К сожалению, пока нет собственной страницы издания в Internet, по адресу kmk.entomology.ru есть лишь правила для авторов и иногда обновляемый список статей с указанием на полные pdf-версии. Хотелось бы иметь ресурс, на котором была бы разбивка по томам, был бы указатель (авторов, таксонов) и значительная часть материалов была представлена в полном виде, но пока такого сайта нет. В списках энтомологических журналов REJ присутствует (<http://journalseek.net/cgi-bin/journalseek/journalsearch.cgi?field=category&query=bio.entomology>) Может быть, в ближайшие годы удастся наладить переход к системе параллельных электронных и бумажных публикаций; по крайней мере на это можно надеяться.

В целом проблемы журнала — проблемы многих «малых» научных журналов (Kljaković-Gašpić et al., 2007). Именно это позволяет надеяться, что проблемы будут решены. Малые тиражи, малая окупаемость, низкий импакт-фактор по причине малой сомкнутости научного сообщества и небольшой модности научных дисциплин, сравнительно небольшое число заинтересованных читателей, рассеянных по всему миру — это особенности всех «малых» научных журналов. Каким-то образом проблемы

таких изданий — многих тысяч — обязательно будут решены. А пока — то, что было начато в 1992 г., всё ещё удастся продолжать.

Литература

- Arunachalam S. 2004. Science on the periphery: bridging the information divide // Moed H.F.; Glänzel W., Schmoch U. (eds.). Handbook of Quantitative Science and Technology Research. New York, Boston, Dordrecht, London, Moscow: Kluwer Academic Publishers. Part 1. P.163–183.
- Bergstrom T.C. 2001. Free Labor for Costly Journals? // Journal of Economic Perspectives Vol.15. No.3. P.183–198.
- Brossard D. 2009. Media, scientific journals and science communication: examining the construction of scientific controversies // Public Understanding of Science. Vol.18. No.3. P.258–274.
- Brown C. 2001. The e-volution of preprints in the scholarly communication of physicists and astronomers // Journal of the American Society for Information Science and Technology. Vol.52. P.187–200.
- Cheek J., Garnham B., Quan J. 2006. What's in a number? Issues in providing evidence of impact and quality of research(ers) // Qualitative Health Research. Vol.16. P.423–435.
- Hitchcock S., Carr L., Hall W. 1996. A survey of STM online journals 1990–95: the calm before the storm // Mogge D. (ed.). Directory of Electronic Journals, Newsletters and Academic Discussion Lists, Association of Research Libraries. P.7–32.
- Kling R., McKim G. 1999. Scholarly communication and the continuum of electronic publishing // Journal of the American Society for Information Science. Vol.50. P.890–906.
- Kling R., McKim G. 2000. Not just a matter of time: Field differences and the shaping of electronic media in supporting scientific communication // Journal of the American Society for Information Science. Vol.51. No.14. P.1306–1320.
- Kljaković-Gašpić M., Petrak J., Rudan I., Biloglav Z. 2007. For Free or for Fee? Dilemma of Small Scientific Journals // Croat. Med. J. Vol.48. No.3. P.292–299.
- Linkov F., Lovalekar M., LaPorte R. 2006. Scientific Journals are 'faith based': is there science behind Peer review? // Journal of the Royal Society of Medicine. Vol.99. P.596–598.
- Vessuri H. 1995. Recent strategies for adding value to scientific journals in Latin America // Scientometrics. Vol.34. No.1. P.139–161.
- Zhao D.Z. 2005. Challenges of scholarly publications on the web to the evaluation of science – A comparison of author visibility on the web and in print journals // Inf. Process Manage. Vol.41. P.1403–1418.
- Zitt M., Bassecouard E. 1999. Internationalization of communication. A view on the evolution of scientific journals // Scientometrics. Vol.46. No.3. P.669–685.

Г.Ю. Любарский